***Инал Дударович КАНУКОВ (Хъаныхъуаты Инал Дудары фырт) (1850–1898)**, осетинский просветитель, один из основоположников осетинской национальной литературы. Писал на русском языке. Литературное наследие И.Д. Канукова включает этнографические и художественно-этнографические очерки («В осетинском ауле», «Кровный стол» и др.), рассказы («Две смерти», «Ирбо» и др.) и поэзию, как лирическую, так и гражданскую («Ты прав», «Вера», «Вчера тебя толпа слепая...», «Горе Алибека», «Апофеоз войны» и др.).*

Сын тагаурского феодала, в девятилетнем возрасте И.Д. Кануков стал невольным участником переселения в Турцию (эти события описаны им в очерке «Заметки горца» (1873). Закончил Ставропольскую гимназию и Московское 3-е Александровское военное училище. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в чине прапорщика.

В 1879 г. И.Д. Кануков переведен в Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду. Выйдя вскоре в отставку, работал в дальневосточных учебных заведениях и в газетах. Многочисленные статьи и фельетоны, написанные им в этот период («Во Владивостоке», «О положении ссыльно-переселенцев на острове Сахалин», «О положении русского рабочего на Дальнем Востоке» и др.), характеризуются острой критикой капиталистических порядков, буржуазных и мещанских нравов дальневосточного общества и, в частности, Владивостока. И.Д. Кануков стоял на демократических позициях, при этом оставаясь во многом моралистом и утопистом.

Здесь мы помещаем фрагменты из статьи И.Д. Канукова «Антимилитаризм», впервые опубликованной в газете «Дальний Восток» в 1897 г. В статье в полной мере выразились идеалистические, пацифистские и «непротивленческие» наклонности в мировоззрении писателя, однако ее главная мысль вызовет безусловное сочувствие современника.

АНТИМИЛИТАРИЗМ

В октябрьской книжке «Русской мысли» мы останавливали внимание наших читателей на статье П. Ардашева [1] – «Философия войны», где он, – возражая мнениям г. Соловьева [2] в 7 № книжки «Нивы» («Смысл войны»), – излагает свои основные взгляды на войну, как на ужасное явление в жизни, мешающее человечеству в его мирном нравственном и умственном прогрессе и поселяющее постоянную взаимную и непримиримую вражду.

Таково краткое резюме мнений и всех современных гуманистов, которые с большою ясностью и страстностью высказываются последнее время в Западной Европе и в особенности в Америке.

В Америке в последние дни, когда заговорили о возможности столкновения ее с Англией, наряду со слухами о легендарных изобретениях Эдисона, долженствующих будто бы сделать радикальный переворот в военном деле, – дело мира встречает себе сильных защитников в лице духовенства всех церквей и сект, которое усердно в своих воскресных проповедях обнажает ужас и безбожие. Теперь, как бы в подтверждение антимилитарных взглядов г. Ардашева, в ноябрьской книжке того же журнала «Русская мысль» появилась статья г. И.Н.К. «Война у разных народов», составленная по Летурно [3] «Le guerre dans les diverses rases humaines». Составитель предпосылает статье маленькое вступление, резюмированное им в таких словах:

«Война – это возврат к эпохе дикости, наследие нашего кровавого прошлого. Меняются только фор-

мы и средства войны, но не ее содержание. Нас ужасает теперь каннибализм древних мексиканцев, но мы не жалеем ни труда, ни денег для изобретения самых убийственных орудий[1]. Зло не в том, как справедливо заметил Монтен [4], что человека съедают после смерти, а в том, что *его убивают*. И эти кровавые вкусы вовсе не прирождены человеку: это – скверная привычка, приобретенная веками в самых условиях общественного развития. У колыбели человечества, когда земли было много, а людей мало и они не стесняли друг друга, война была не нужна человеку, как эскимосам полярных стран. Первые войны носили характер простого юридического возмездия и только впоследствии обратились в кровавую драму, от которой становится жутко».

За этим кратким предисловием излагаются мысли самого Летурно:

«Нет почти места на земном шаре, где бы не было войны. Одни прославляли ее, другие проклинали. Но всегда и везде она была беспощадным бичом для человечества: она безжалостно истребляла лучший цвет молодежи, покрывала мир развалинами, ломала цивилизации и создавала новые...»

Тем не менее, не только среди более или менее выдающихся людей прошлого, но даже среди людей нашего времени, когда готовится ожесточенная идейная война против кровавой войны, когда гуманнейшая часть человечества делает первые энергичные шаги к тому, чтобы развенчать кумир Марса и свергнуть его с пьедестала из человеческих костей, защитников войны еще много. К ним Летурно относит всех правителей, министров и государственных людей и темную народную массу, которая, несмотря на то, что Молох пожирает ее детей, безмолвно склоняет свои колени перед этою страшною силою и создает культ ее героям.

Поэты воспевают великих убийц и в честь их курят фимиам пред алтарями. И, странная вещь, даже покоренные народы испытывают какое-то суеверное благоговение к своим палачам.

Далее Летурно указывает на мнения лиц, более или менее компетентных в свое время. По своей оригинальной резкости мнения эти заслуживают того, чтобы с ними ближе ознакомить читателей, тем более что по своей противоположности они своим темным фоном резче оттеняют данный вопрос в новой его форме. Вот, например, что думает по поводу войны де Местр [5]:

«Война божественного происхождения, – говорит он, – это мировой закон; ее окружает таинственный ореол славы, и она имеет для нас какое-то невыразимое обаяние. Война божественного происхождения уже в силу того, что она щадит великих полководцев, даже самых отважных, редкие из них бывают ранены, да и то тогда, когда наступил предел их славе, когда их миссия кончена».

(...) «Война не может быть несправедлива, – говорит бывший революционный деятель Прудон [6], – ни по природе, ни по идее, ни по мотивам, ни по цели, ни по своей строго юридической форме, – наоборот, она благотворна, нравственна, свята. Это придает ей божественный характер и ставит на высоту религии».

Таков характер аргументации защитников войны, характер, диаметрально противоположный учению основателя христианской религии, к которой принадлежат защитники войны.

(...) В то время, когда пишутся эти строки, происходит ожесточенная резня между одним из кичливых представителей цивилизованной Европы и полудикими шоанцами-абиссинцами [7]. Нам точно неизвестны настоящие причины этой резни, или войны, но должно полагать, что повод к этой резне не стоит того, чтобы вести на убой тысячи лучшей молодежи, и что первыми зачинщиками были итальянцы, рассчитывавшие на превосходство своих сил, своей цивилизации. Но оказывается, что итальянцы ошиблись в своих расчетах: шоанцы-абиссинцы бьют их беспощадно всюду, врезаются в сердце их колонн, стреляют в упор в офицеров, режут руки и ноги побежденным и т. д. Словом, идет резня со всеми теми последствиями, которыми неминуемо сопровождается всякая война...

(...) Человечество, стремясь к моральному и интеллектуальному прогрессу, в то же время рабски преклоняется перед «славою» войны и, как мы видели, в лице даже лучших своих представителей находит происхождение ее «божественным» (...) «Герою» чуждо чувство сострадания; он должен для своей славы подавить в себе это чувство, которое приближает человека к идеалу современных гуманистов.

(...) «Война – зло, но зло необходимое»… И подобными-то дикими силлогизмами хотят заглушить звуки божественного слова, призывающего людей к миру, всепрощению и непротивлению злу! Но разве зло может быть необходимым? Разве оно, в такой дикой и кровавой форме, как война, может быть необходимостью человеческого существования?!

Необходимо то, что ведет к нравственному и умственному возрождению человека, что ведет к всеобщему единению человечества и уничтожает пагубную рознь, которая поддерживается тою же войной.

А между тем милитаристы, прикрываясь зачастую ничем не оправдываемою идеей защиты якобы национальной и религиозной неприкосновенности, искусственно возбуждают в людях антагонизм и даже ненависть к тому народу, в котором видят врагов отечества и религии. Идеей религии эти господа прикрываются чаще всего, и чаще всего она-то в их нечестивых устах является могучей двигательницей к потрясающим кровавым распрям. Прислушайтесь к тому, что делается вокруг, и вчитайтесь внимательнее в то, что печатается перед роковым событием войны, и вы, если не заражены слепым «квасным» патриотизмом, – всегда без труда увидите, с какою беззастенчивостью и наглою

[1] *В последнее время, как я упоминал выше, этим, по словам американских газет, занят даже сам Эдисон. Кто бы поверил, что изобретения такого ума применены будут когда-либо к человекоубийственной войне!..*

ложью стараются зачастую разжигать предварительно народные страсти, стараются искусственно вызвать в человеке «кровожадного зверя», как быка раздражают красным одеялом в цирке, чтобы уже подготовленного таким путем к бою пустить его в ход, пока тореадор не всадит в него свой безжалостный нож!..

В Западной Европе, где милитаризм еще имеет господствующее значение, есть своя система разжигания народных страстей или, говоря попросту, вызывания в человеке зверя; у нас тоже своеобразная манера на это. У кого, как не у нас, можно слышать такие синонимы, как «басурман» и «нехристь», или «не нашей веры». Эти и тому подобные выражения вполне характеризуют исторически сложившийся антагонизм народа ко всему «не нашему», не русскому, и в особенности к «басурманам», т. е. к мусульманам, с которыми силой сложившихся обстоятельств приходилось чаще сталкиваться в своих интересах.

В этих выражениях вполне ясно сказалась наша религиозная и расовая нетерпимость, которая и до сих пор еще остается господствующею чертою народного мировоззрения и которая будет служить и служить огромным рычагом для поднятия народного духа против искусственно создаваемых супостатов отечества и религии.

(...) Россия в исторической жизни своей чаще всего сталкивалась, как я упоминал выше, с мусульманским миром. Не религиозная рознь, а исключительные географические особенности были всегда причиною распрей, служили, так сказать, *casus belli.* Но впоследствии, когда эгоистические стремления отдельных лиц стали выделяться из общего настроения и общих целей ограждения чисто государственных интересов, примешалась религия, и рознь этой последней послужила самым верным орудием для разжигания взаимной народной неприязни. При этом для вящего успеха основатель мусульманской религии выставлялся как ненавистник Христа, стремившийся к религиозному господству и к порабощению христиан, и это убеждение вкоренилось глубоко не только у нас в России, но до сих пор еще существует и в Западной Европе.

А между тем это не так. Спустя шесть веков после рождения Христа, Магомет, подпавший сильно под влияние одного несторианского монаха в Сирии, куда он часто сопровождал караван своего дяди, Магомет уже в зените своей славы проникнут был глубочайшим благоговением к Христу и его религии. Глава Корана, где он говорит о рождении Христа, есть перевод почти *in litera* (буквально. – ***Ред.***) из Библии. Коран признает святость рождения Христа, а дух гуманности и милосердия проходит через весь Коран яркою полосою. Все заповеди Моисея, начертанные им на скрижалях, хотя и не в системе, но нашли себе место и в Коране.

Нигде ни слова не говорится о ненависти к христианству, а тем паче о войне из-за религиозной розни, и если Магомет становился во главе войск в начале своей проповеднической жизни, то он это делал против открытых врагов своей проповеди, нападавших на него с оружием и причинявших ему много огорчений. И в Коране о войне говорится как о необходимости, вызванной действительной защитой религии. Но если его последователи Омар и Осман, увлекшись своими личными истолкованиями его проповедей, перенесли свое оружие за пределы колыбели религии, завоевав Северную Африку и перейдя в Испанию, то тут виновата их пылкая, чисто расовая натура араба, а не Коран.

Зато последующая история распространения религии в Азии и Африке говорит с достаточною ясностью о мирном успехе ее среди азиатских племен путем чисто миссионерским, мирным. Смирение и кротость составляют характерные черты и самого Магомета по единогласному отзыву его биографов...

Мы все учились чему-нибудь и как-нибудь. Если же вспомним даже тот скудный запас исторических фактов, которые вычитали мы из учебников, то путем сравнительного суждения придем к весьма нелестным заключениям и о последователях Христа, прибегавших к религии как средству для достижения известных целей, что практикуется, как я упомянул уже выше, и до сих пор в политике.

Вспомним Крестовые походы…

(...) Современные формы войны имеют не менее дикий характер. Пусть кричат и славят войну европейские авторитеты, как Прудон (...), – мнение, что война пагубна, что она фактор деморализации и пауперизма, что она порождает всемирную взаимную ненависть, разжигает в людях самые порочные страсти, подавляя лучшие стремления, – будет крепнуть все более и более!

(...) У нас уже начинают приходить в себя и понимать все зло войны и «вооруженного мира». Симптомы такого отрадного грядущего сказываются довольно ясно и в нашей печати.

Вот что, например, мы читаем в одной из передовых наших газет («Неделя», № 52 п.г.): «России в недалеком будущем предстоит сыграть крупную руководящую международную роль, которая, повидимому, должна склониться к всеобщему замирению и, в конце концов, разоружению народов».

(...) ...в более энергичных выражениях восстает против войны знаток и наблюдатель ее Немирович-Данченко в своем романе «Вперед» (ч. 2, стр. 498): «…Кровавый призрак войны не раз еще подымет свою голову... Из царства смерти, из полного ужасов ада его вызовут опять маги и волшебники, для которых война – арена славы и честолюбия... Глупа эта армия честолюбия, вся эта пылкая вакханалия, где осатанелые блудницы выкрикивают свои девизы, думая увлечь ими толпу!.. Предостерегающие голоса смолкают мало-помалу в этом одуряющем шуме: вихрь уносит их куда-то далеко-далеко... И опять война, и опять боевая легенда выступают вперед, заслоняя кровавые инстинкты народа... Плодятся нищета и преступления... Робость духа и подлость сердца разливаются по стране безграничным морем зла и кривды...».

(...) Читатель помнит, несомненно, и прекрасный рассказ Гаршина «Четыре дня». В этом маленьком рассказе автор выразил столько чувства и в таких

рельефных красках привел анализ души покинутого раненого рядом с разлагающимся трупом убитого турка, что невольно в душе читателя вспыхивает чувство глубокой жалости к этому невинно убитому человеку, у которого «тоже» есть старушка-мать, поджидающая дня его возвращения со слезами у убогой хаты. У читателя невольно при описании этой картины выступают слезы, и он невольно думает: «Какой ужасный источник бедствий и горя эта война!» Золя не более этого выразил в своем объемистом романе «Разгром», где батальные картины вызывают чувство глубокого отвращения к следствиям войны своей поразительной реальностью, чем особенно отличается перо этого романиста...

Антимилитаризм появился и в художестве; на Западе давно выработалась школа баталистов, хотя картины их и не носят такого оригинального, своеобразного характера, какой имеют картины нашего художника Верещагина.

В последних особенный эффект резко выраженных идей в этом направлении, так что его картины – единственные в своем роде и в нашей батальной живописи. «Ужас» войны является в них ярко и рельефно, производит глубокое, потрясающее впечатление, которое желает вызвать художник... Поэтому-то выставка его картин в этом роде имела вполне заслуженный успех не только в России, но в Париже, Вене и Берлине. В Берлине успех был просто колоссальный. Картины Верещагина производили настолько сильное впечатление на немецкий военный элемент, посещавший выставку вначале толпами, что фельдмаршал Мольтке [8], наслышавшийся об этом и осматривавший лично эти картины, воспретил посещать выставку офицерам, дабы не ослабить в них своеобразный дух того милитаризма, который составлял гордость германской армии под руководством своего великого учителя...

(...) Но ни одна картина не производила на меня такого сильного впечатления в этом направлении, как одна какого-то иностранного художника. Поле битвы... Среди обломков лафетов и «тел» орудий распростерты в разных положениях трупы героев... Высоко в небе над этими трупами кружатся зловеще коршуны и вороны... Там вдали, на фоне картины, виднеется горка, а на ней кладбище деревенское с ветхими, покосившимися деревянными надмогильными крестами. Далее горизонт замыкается черным столбом дыма, поднимающегося от горящей деревни и города. Там витает смерть. Сейчас враг был здесь и оставил царство смерти, а там, по пути, сеет ту же смерть, там раздается скрежет зубовный, проклятья, плач, рыданья, молитвы... А над этой картиной, на обломке знаменного древка с крестом на конце виден кроткий образ Христа. Приложив левую руку к едва прикрытой груди, другою же закрыв очи, он с понурой головой тихо, тихо плачет!..

Миру недостаточно было пролитой крови Христа, – за озверелого человека льются теперь Христовы слезы!.. Пусть же человечество шире и глубже сознает позорный «грех» войны и отстранится от него! Пусть это новое сознание окрепнет и вырастет в людях в одну общую идею и исцелит своею живительною силою язвы прошлого и настоящего! (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

*[1] **Ардашев Павел Николаевич (1865–1923)** – русский историк, специалист по истории Западной Европы.*
*[2] **Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900)** – русский философ-идеалист.*
*[3] **Летурно, Жан Мари (1831–19002)** – французский буржуазный социолог и этнограф.*
*[4] **Монтень, Мишель де (1533–1592)** – французский писатель и философ.*
*[5] **Местр, Жозеф де (1753–1821)** – идеолог феодально-монархической контрреволюции периода Французской буржуазной революции.*
*[6] **Прудон, Пьер Жозеф (1809–1865)** – французский буржуазный социолог, один из основателей анархизма.*
*[7] **Речь** идет об итало-абиссинской (эфиопской) войне (1895–1896).*
*[8] **Мольтке, Хельмут Карл Вернхард (1800–1891)** – прусский фельдмаршал.*